

Особенности центрального персонажа в прозе А.С. Пушкина

Карпов Денис Львович

аспирант

ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

email: karpovdl@yandex.ru

Пушкинское наследие, и это уже бесспорно, является ключевым этапом в становлении русской литературы, связующим звеном доклассической и классической русской литературы. Такое положение делает его в некотором роде индикатором этого переходного этапа: все изменения, происходящие в произведениях Пушкина, неизменно становятся частью процесса дальнейшего становления русской литературы.

Несмотря на пристальное внимание к Пушкину, как в России, так и за рубежом, остаются ещё области недостаточно исследованные.

Так, собственно уделено до сих пор мало внимания сюжету как функциональной активности персонажа (а именно это, по нашему мнению, является одним из главных достижений пушкинской прозы, которое сыграло важнейшую роль в становлении русской классической прозы).

Так как наше внимание было направлено на результативность действия персонажа в рамках сюжета прозаического произведения, то материалом исследования были только законченные прозаические художественные произведения Пушкина («Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Капитанская дочка»).

В «Повестях Белкина» долгое время видели сугубо пародийное произведение, но наше исследование показывает, что сюжеты «пересказанные» покойным И.П. Белкиным совершенно явно демонстрируют собой качественно новые структурные образования. Весьма непросто описать инвариант столь разнящихся сюжетов, но нам представляется несомненной доминантностью включения мотива неудачи в сюжет каждой из белкинских повестей как замены успешной инициации (результативности действия). Двойная неудача постигает Сильвио: во-первых, он «убит» черешневыми косточками графа, во-вторых, он «может стрелять только в мух», а не в людей [Шмид: 191]. Неудачлив Вырин, оскорблённый любовником своей дочери [Шмид: 99], проигрывает и романтический герой Владимир, нежелающий мириться с реальностью метели-хаоса, которая ведёт к счастью трикстерного шутника Бурмина, эксцентричность которого отвечает законам этой реальности.

Разрешение сюжета в «ничто» («пародийное самоуничтожение фабулы» [Бочаров: 46]) также можно считать новым для литературы явлением: абсурдность, нелепость ведут к статике, возвращению в первоначальное состояние, что показывает «Гробовщик». Вновь важную роль играет смех, так как именно отсутствие чувства юмора у Прохорова является причиной его ссоры с ремесленниками и появлением в его доме мертвецов, которые оказываются пьяным бредом.

Карнавальность сюжета в «Барышне-крестьянке», хоть и не новое явление, но совершенно по-особому выполненное А.С. Пушкиным. Повесть, рассказанная девицей К.И.Т., насчитывает около десяти конфликтов и каждый из них оказывается ложным, все они снимаются по чистой случайности, растворяются, не давая героям раскрыть себя, но ведя их к счастливой развязке.

В «Повестях Белкина» места для героя не остаётся, текст движет не герой, а трикстерная случайность, разрушающая любую серьёзность и претензию на космизацию; хаотическая неопределённость заменяет собой упорядоченность.

В отличие от «Повестей Белкина», где сюжетные изменения представлены достаточно дискретно, «Пиковая дама» представляет последовательное низвержение литературного героя (по крайней мере, его романтической разновидности).

С точки зрения инициации героя, текст «Пиковой дамы» оказывается осложнённым тем, что герой пытается не просто утвердиться, достичь своей цели, но сменяет несколько путей к ней.

Первый сюжет – это накопление. Германн даёт зарок не играть, в то же время являясь страстным поклонником игры. С первых же слов повести Германн ставится в

центр повести как явление исключительное (отроду не брал карт в руки), но тут же он низвергается как герой графиней, о которой рассказывает Томский, трикстерность которого уже не раз была отмечена исследователями.

В повести открывается второй сюжет – добывание секрета карт, который не может развиваться, не инициировав ещё один сюжет, – сюжет спасения невесты. Сложная структура сюжета оказывается очень продуктивной для создания образа нового литературного героя, первыми шагами к которому были «Повести Белкина».

Вся повесть пропитана мифологическими мотивами, делая образ Германна из сугубо пародийного (как принято воспринимать его) онтологически значимым. Германн становится открытием Пушкина, героем–неудачником, вытесняющим традиционного героя. Так добывание карт оборачивается фарсом (Германн поражает старуху из незаряженного пистолета), в погоне за наживой он просто–напросто забывает о своём обещании «спасти» Лизу. В конечном итоге, Германн покидает текст, так ничего и не изменив (игра продолжается, графиня остаётся на своём месте – вышедшая замуж Лиза). Везёт опять-таки лишь трикстерному Томскому, удачно женившемуся.

В свете выше сказанного особенное значение приобретает текст повести «Кирджали», являющийся не просто дискредитацией героя, но текстом, который в герое не нуждается. Основной герой здесь разбойник, не делающий ничего героического и вообще избегающий битвы, хотя и представленный удалцом, витязем. Более того, небольшая повесть, рассказывающая о военном времени, оказывается лишена героической личности, все бои представлены здесь иронически – или как фикция, или как бессмысленность.

Наметившаяся тенденция в постромантической прозе Пушкина, безусловно, не могла не отразиться в его (пред)реалистической прозе.

Первое, что следует отметить, – это отсутствия чёткого противостояния положительного и отрицательного персонажа. Гринёв и Пугачёв, являясь представителями двух противоположных лагерей, не становятся противниками.

Если рассматривать сюжет повести именно с точки зрения категорий активность / пассивность, то сразу становится заметным, что на всём протяжении повести Гринёв является не ведущим, а ведомым. Все подвиги героя либо нарушены сторонним вмешательством (дуэль со Швабриным, спасение Маши – герой пленён по дороге к крепости), либо совершаются без активного вмешательства Гринёва (даже во время освобождения Маши в центре находится не он, а Пугачёв: «Выходи, красная девица; дарю тебе волю. Я государь» [Пушкин: 304]).

Важна связь Гринёва и с карнавальным миром, в первую очередь, через трикстерного удалца Зурина, который ещё до Пугачёва становится его проводником в «пограничном» мире; и, кроме того, через образ метели, который не однажды встречается в творчестве Пушкина, символизируя хаос и / или слепую случайность.

Можно сделать вывод, что «реализм», явленный в прозе Пушкина, был неотрывно связан с предыдущей литературной традицией, пародийно–смеховой культурой, посредством взаимодействия с которой стало возможно появление нового типа сюжета, который впоследствии ляжет в основу произведений русского классического реализма.

Литература

Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985.

Пушкин А.С. Сочинения. В 3–х т. Т. 3. М., 1987.

Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.